

Кризис как проблема истории и методологии

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ кризисы достаточно давно стали предметом научного изучения. Можно сказать, что общая их теория если и не сформулирована в одной книге или серии статей, то во всяком случае вырисовывается при чтении работ Карла Маркса, Джона Мейнарда Кейнса и Николая Кондратьева. Циклы развития капиталистического рынка закономерно приводят к спадам потребления и производства, а большие циклы, описанные Кондратьевым, завершаются системными реконструкциями и формированием новых моделей развития. Вполне естественно, что экономические кризисы, в свою очередь, порождают потрясения в сфере политики и общественной жизни, даже перемены в культуре и сознании. Однако общей теории, анализирующей не только причины, но и внутреннюю логику и динамику развития кризисов, не существует. Нет и четкого представления о том, как экономический спад влияет на социальные процессы, насколько их ритмы совпадают или, напротив, расходятся. Эта теоретическая недоговоренность привела к распространению упрощенных представлений и ожиданий, в которых хозяйственный спад неминуемо и сразу должен привести к падению правительства, а то и к революции. Истоки подобных взглядов, несомненно, восходят к вульгарному пониманию марксизма, согласно которому экономические события напрямую и автоматически предопределяют все остальные аспекты общественной жизни. Ничего подобного ни Маркс, ни его ученики, естественно, не писали, они лишь подчеркивали, что именно производственные отношения являются первичной основой всего комплекса общественных отношений. Однако своеобразный экономический детерминизм в постсоветском обществе стал распространенным способом мышления не только среди левых, но и, как это ни парадоксально, среди значительной части либеральной публики.

Мы говорим о кризисе, подразумевая самые разные явления, которые мы, как правило, не сопоставляем и не обобщаем. Каждый кризис в каждой специфической области общественной жиз-

ни — от идеологии и культуры до гендерных отношений и социальных практик — воспринимается как специфичный и уникальный именно для этой конкретной сферы, рассматривается именно в ее особом контексте. Тексты, собранные в данном номере «Логоса», позволяют представить себе этот диапазон.

Между тем различные кризисы все же должны иметь между собой что-то общее. Иначе почему мы используем одно и то же слово применительно ко всем этим явлениям?

В некотором смысле ключ к более общему пониманию кризиса все же дает экономика. И не столько потому, что она «первична» (это еще надо исследовать в каждом отдельном случае), а потому, что создает определенную модель человеческих отношений. Эту модель далеко не всегда можно перенести на всю совокупность отношений между людьми, но она позволяет очень многое в них прояснить.

Если мы рассмотрим кризис с такой точки зрения, то обнаружим, что его сущностной характеристикой является даже не экономический спад как таковой, поскольку сокращение производства и потребления само по себе оказывается следствием более глубоких системных диспропорций и сбоев, накапливающихся в течение некоторого периода времени. Кризис — это *нарушение процесса воспроизводства*, и данное определение в равной степени относится и к экономическим, и к социальным, идеологическим, политическим, культурным, и даже к гендерным процессам. Подобные нарушения могут вести к гибели системы, к ее «починке» и реконструкции, а могут быть преодолены, завершаясь восстановлением процесса в более или менее прежнем виде. В этом, собственно, и состоит отличие конъюнктурных хозяйственных спадов от системных кризисов.

Конъюнктурные спады, как бы болезненны они ни были, могут и не породить серьезных общественных потрясений. То, как они отразятся на социальной или политической жизни, зависит от многих внешних обстоятельств, включая динамику электорального цикла, от наличия альтернативного лидерства, способного использовать в своих целях колебания текущей конъюнктуры, от общей социальной и культурной обстановки в стране и мире. В каждом конкретном случае причины и логика событий более или менее ясны, лежат на поверхности.

Совершенно иначе обстоит дело с системными кризисами, условия для которых формируются постепенно, часто за счет переплетения различных взаимосвязанных, но все же отдельных процессов, которые на одних этапах могут усугублять, а на дру-

гих — компенсировать друг друга. Чем глубже и масштабнее кризис, тем менее очевидными оказываются его последствия и порой тем медленнее наступают. Политические или культурные события, порожденные стрессом, который переживает система, совсем не обязательно совпадают по своей направленности и динамике с логикой экономического процесса, ибо действия людей в значительной мере предопределены стремлением во что бы то ни стало избежать назревших перемен, не допустить именно тех преобразований, которые диктуются логикой кризиса.

Проблема системных кризисов не только в их масштабах и глубине, но и в том, что они неминуемо запускают своего рода «эффект домино», распространяясь из одной сферы общественной жизни в другую, охватывая все новые области. При этом кризис может быть не только разрушительным, но и в высшей степени конструктивным, вынуждая людей пересматривать правила и отменять устаревшие нормы, вырабатывать новые. Однако принципиальная особенность системного кризиса состоит именно в том, что, формируя новые порядки и практики для одной сферы жизни общества, мы неминуемо сталкиваемся с противоречиями и проблемами, порожденными другими сферами. И пока новые правила игры в той или иной мере не сложатся на уровне общества в целом, кризис не будет преодолен. Он лишь будет повторяться снова и снова, «перезапускаясь» на новые циклы.

«Эхо» любого большого кризиса оказывается невероятно мощным, отражаясь в самых разных социальных и культурных средах, причем так, что мы нередко не связываем разворачивающиеся события с их первопричиной, ведь уже возникли новые тенденции и проблемы, имеющие собственную динамику и логику.

Люди включаются в борьбу, которая не только ускоряет и реализует перемены, но и определяет их итоговый облик. Что вполне естественно: здесь вступает в действие уже не только потребность в преодолении кризиса, но и конкретный интерес, который может пострадать. Преодоление системного кризиса невозможно без радикальных социальных преобразований, сопровождающихся столь же (а порой и более) радикальным изменением баланса политических сил в обществе, культурных кодов, повседневных практик, языка, норм поведения, требований к образованию, гендерным ролям и пр. Чем масштабнее потребность в изменениях, тем больше они угрожают тем классам и группам, которые занимают в данном обществе господствующее положение. Но и отказ от перемен не является решением в условиях, когда воспроизводство системы объективно нарушено. Отсюда судорожные поиски

выхода через второстепенные решения и поверхностные преобразования, яркие и эффективные, но не затрагивающие сути процесса. Как говорил один из французских роялистов XIX века, чтобы все осталось по-старому, надо все изменить.

Иными словами, антикризисные меры, по крайней мере на первых порах, оказываются направлены не на преодоление системного кризиса, а на то, чтобы не допустить изменений, без которых преодоление невозможно. Кризис не разрешается, а воспроизводится, перемещается («вытесняется») из одной жизненной сферы в другую, меняет форму, поворачивается к нам разными сторонами, порой предстает даже не как единый процесс, а как ряд разнородных кризисов и просто явлений, наблюдаемых параллельно. Связь между ними очевидна и в то же время в любой момент не до конца осмыслена, поскольку мы рассматриваем каждое из этих явлений по отдельности.

Это объясняет кажущийся парадокс событий 2008–2011 годов, когда предпринимавшиеся в глобальных масштабах дорогостоящие меры не только не сняли ни одно из противоречий, породивших так называемую Великую рецессию, но, напротив, привели мировую экономику в состояние затяжной депрессии, психологически (но не системно) компенсируемое отдельными «хорошими новостями» из различных точек планеты. А кризис глобальной социально-экономической стратегии стал восприниматься через призму параллельно разворачивающихся сюжетов в самых разнообразных сферах (экология, гендерные отношения, культурная политика, образование, международные отношения, этнический сепаратизм и т. д. и т. п.).

И все же благодаря такой мозаичности история бесконечно богата различными возможностями и сюжетами. Сочетание объективного процесса с осознанными, но далеко не всегда разумными действиями людей создает ту самую реальность живой истории, что не может быть ни запрограммирована, ни однозначно прогнозирована вне зависимости от того, насколько мы понимаем смысл происходящего.

Является ли кризис исключительно результатом действий людей? Даже если вынести за скобки климатические кризисы, порождавшие катастрофы в аграрных обществах прошлого, мы должны согласиться, что задаваемая любой системой логика работает с известной долей автоматизма, диктуя людям правила поведения и не оставляя им серьезных возможностей выбора. В моральном смысле, конечно, определенный выбор есть всегда, но часто его диапазон оказывается столь узким, что по сути сводится

к альтернативе участия или неучастия в процессе, успеха или неминуемого поражения. Однако еще одна особенность кризисных эпох состоит в том, что они — в конечном счете — расширяют сферу свободы, открывая перед людьми новые варианты поведения и альтернативы. Различные решения, конечно, не могут быть равнозначно успешными, поскольку ни объективные обстоятельства, ни естественные ограничения, ни необходимость учитывать действия и выбор других людей никуда не деваются. Но как невозможно в постоянно меняющейся и все менее предсказуемой обстановке просчитать все возможные варианты развития событий, так же невозможно и ограничить свои перспективы каким-то одним, наиболее желаемым сценарием. Более того, в кризисных условиях очень часто события развиваются таким образом, что даже победители оказываются не в состоянии максимально использовать открывающиеся перед ними возможности, а оптимальное (с точки зрения текущих шансов и встающих задач) решение так и не принимается.

Базируясь на осознании необходимости, свобода конструктивного действия дает нам определенный шанс на успех, который можно упустить, если силе разума будет недоставать силы воли, а эмоциональный заряд практического действия не будет эффективно направлен добросовестным анализом.

Можно сказать, что кризисы, являясь порождением необходимости, железной логики предшествующего процесса, одновременно становятся моментом свободы. Это не отменяет объективной необходимости назревших перемен, которые люди по мере сил пытаются реализовать или предотвратить, пользуясь своей свободой. Технически и тактически успешными, как мы не раз видели, становятся действия, направленные не только на преобразование общества и преодоление кризиса, но и на консервацию сложившегося положения вещей. Порыв преобразований то и дело оказывается подавлен силой консервативной инерции, репрессивной мощью государства, тонет в болоте культурной косности. Но даже в этих случаях история не прекращает своего поступательного движения, создавая новые комбинации противоречий, которые в свой черед приводят к возвращению кризиса, как правило, в еще более жестких формах и в еще большем масштабе. Сорванные или непоследовательно проведенные реформы создают условия для революций, а те, потерпев поражение, порождают тенденции к долгосрочному упадку общества и одновременно потребность в новых попытках преобразований. Там, где общество неспособно провести эти перемены снизу, они могут быть навя-

заны сверху. Но когда ни верхи, ни низы ничего не могут и ничего не хотят, общество неминуемо идет к упадку, вплоть до полного исчезновения.

История прошлого знала немало цивилизаций, исчезнувших, несмотря на великие достижения. И нет никакой гарантии, что нынешняя глобальная человеческая цивилизация защищена от повторения подобной судьбы. Некоторое основание для оптимизма дает лишь то, что беспрецедентные масштабы, достигнутые обществом к началу XXI века, открывают и возможность гораздо большей вариативности социальных и политических практик, что предполагает и значительно большее число потенциальных «точек прорыва», из которых может начинаться очередная посткризисная реконструкция. Однако число этих точек тоже не безгранично, а шансы распространения идущего из них импульса перемен не равноценны. Вопреки красивым лозунгам антиглобалистов, призывавших противопоставить неолиберальному капитализму начала XXI века «тысячи» разнообразных альтернатив, число реально возможных вариантов выхода из любого кризиса имеет предел. Более того, практическое осуществление любого конструктивного варианта в обязательном порядке требует подавления иных альтернатив. Ведь в противном случае они заблокируют друг друга, приблизив, а не предотвратив катастрофу. Свобода, лишенная опоры на разум, легко становится проклятием.

Нарушая процесс воспроизводства общества, создавая ситуацию институционального стресса, системный кризис рано или поздно становится кризисом политическим. Но порождаемый им процесс всеобщей политизации меняет и характер самой политики, разрушая старые партии и создавая новые, демонстрируя несостоятельность привычных идеологий и диктуя необходимость формулирования новых идей и лозунгов, а порой, напротив, оживляя проекты, давно казавшиеся мертвыми. Кризис неминуемо приводит к концу привычных манипуляций, эффективность которых предопределялась их связью с нарушенным теперь процессом воспроизводства. Он требует нестандартного поведения и порождает новых лидеров, которые, в свою очередь, на каждом шагу оказываются несостоятельными, неспособными понять собственную роль в истории или должным образом ее исполнить.

Такая ситуация всеобщей очевидной и наглядной несостоятельности характерна для политической жизни большинства стран мира после десяти лет мирового кризиса, начавшегося с финансовых катаклизмов 2007–2008 годов в Соединенных Штатах

Америки. Если наблюдение за текущим процессом считать важным условием для формирования хорошей теории, то события последнего времени дают беспрецедентный материал для создания обобщенной концепции кризиса в эпоху позднего индустриального капитализма. Однако действительное развитие теории невозможно без радикального обновления общественной практики, которая сама по себе дает новый материал и ставит новые вопросы для теоретических выводов. Такая практическая работа еще только начинается.

Хорошая новость состоит в том, что вызовы кризиса открывают перед нами новые возможности. Плохая — в том, что наше умение и способность этими возможностями воспользоваться в лучшем случае еще предстоит проверить.

Остается только надеяться, что знание прошлого поможет нам справиться с проблемами будущего. И, внимательно оглядываясь назад, — идти вперед.

Борис Кагарлицкий